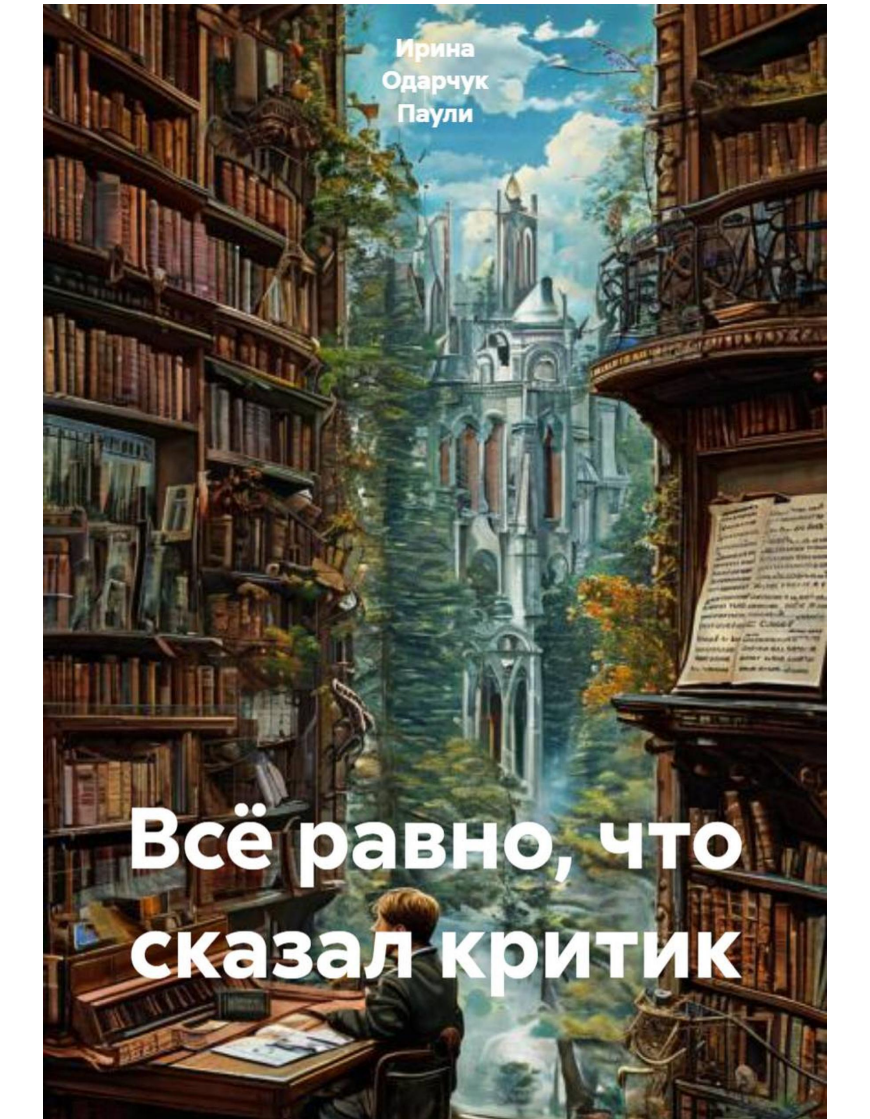

Ирина
Одарчук
Паули

**Всё равно, что
сказал критик**

Ирина Паули

Всё равно, что сказал критик

<https://litres.ru/73989864>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Всё равно, что сказал критик» — философский роман-манифест о природе творчества, смелости быть многогранным и праве художника создавать без оглядки на чужие ярлыки. В центре повествования — композитор и писатель Арсеньев, чьё стремление соединить баховскую полифонию с электронной свободой, а литературный поток — с музыкальной точностью, вызывает упрёки в «избыточности» и «потере глубины». Но вместо того чтобы замедлиться, он превращает критику в катализатор, а профессиональную дисциплину — в основу вдохновения.

Двенадцать глав книги раскрывают двенадцать принципов художественного существования: как классика дышит сквозь синтезаторы, почему скорость не враг качества, как инновация укореняется в традиции и почему многогранность — это не разбросанность, а честность. Ирина Одарчук Паули создаёт не просто историю об искусстве, а живой диалог между эпохами, жанрами и внутренними сомнениями каждого, кто когда-либо задавался вопросом: «Имею ли я право создавать так много?»

Ирина Одарчук Паули

Всё равно, что сказал критик

Пролог: Звук, который ещё не назвали

Он стоял перед пультом. Не тем, что с клавишами, и не тем, что с нотами. Перед пультом, где смешивались эпохи. Слева лежала партитура Баха — «Искусство фуги», справа — холодный, ещё не прогретый матричный синтезатор.

— Ты не можешь писать столько всего, — вспомнились ему слова критика из третьего ряда. — Роман за романом, симфония за симфонией. Где качество? Где бережность?

Герой (назовём его Арсеньев) улыбнулся. Он давно усвоил: бережность — это не стерильность. Это смелость поливать водой семена, даже если кто-то считает, что полив слишком обильный.

В этой книге не будет одной истины. Будет двенадцать способов услышать, как классика дышит сквозь электронные лёгкие.

Глава 1. Упрек

Первая глава — это дождь в Венеции. Арсеньев сидит в кафе, на столе — рукопись его двадцать пятого музыкального опуса. К нему подсаживается пожилой музыковед, известный тем, что никому не ставит высший балл.

— Послушайте, молодой человек, — говорит он, такая печенье в эспрессо. — В этом месяце вы выпустили три симфонии, два ноктурна и роман. Вы не боитесь, что ваши произведения... обесцениваются? Как дешёвые бусы на рынке?

Арсеньев молчит. Он вспоминает Моцарта, который написал сорок одну симфонию за тридцать пять лет. Или Баха, который выдавал кантату каждое воскресенье.

— Скажите, — отвечает Арсеньев. — Если сад цветёт слишком пышно, разве это проблема сада? Или проблема тех, кто привык к кактусам?

Критик обижается. Уходит. А Арсеньев записывает в блокнот фразу, которая станет эпиграфом к этой главе: «Изобилие — это не враг глубины. Враги — страх и повтор».

Глава 2. Классическая основа

Здесь — рождение метода. Арсеньев вспоминает, как в детстве его заставляли играть гаммы. Гаммы были скучными, но однажды он услышал, что Рахманинов строил свои аккорды из тех же гамм, просто сдвинутых на полтона.

Он идёт в консерваторскую библиотеку. Берёт Хиндемита, Мессиана, Пёрселла.

— Я не буду разрушать классику, — говорит он своему отражению в тёмном окне. — Я буду встраивать в неё новые комнаты.

Так появляется правило: прежде чем написать электронную партию, сыграй её на рояле. Если она не звучит — не пиши.

В главе детально показана сцена работы над фугой для синтезатора и струнного квартета. Фуга получается строгая, почти баховская, но в басах — пульсирующий басовый дрон, как дыхание города.

Глава 3. Инновация как дисциплина

«Инновация ради инновации — это поза», — пишет Арсеньев в своём дневнике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.